

© 2007 г. Д.А. Кузьминов

ОБСТАНОВКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 195 УК РФ

Как известно, обстановка совершения преступления – «это совокупность обозначенных в законе или вытекающих из него факторов, составляющих среду, внешнее окружение, ситуацию, в условиях которой осуществляется преступление, и приобретающее в этой связи уголовно-правовое значение» [1, с. 245]. Как обязательный признак состава преступления она предусматривается действующей редакцией ст. 195 УК РФ.

До внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 19.12.2005 № 161-ФЗ [2] диспозиция ч. 1 ст. 195 УК РФ формулировала признак обстановки совершения данного преступления как «при банкротстве» или альтернативно «в предвидении банкротства», теперь же УЗ употребляет «при наличии признаков банкротства». Постараемся выявить возможные преимущества и недостатки существующей ныне и ранее действующей формулировок этого признака.

Рассмотрим действующую на данный момент времени формулировку – «при наличии признаков банкротства». Что же понимается под признаками банкротства в цивилистической науке? Обратимся к специалистам в этой области, в частности к М.В. Телюкиной, которая отмечает: «...обращает на себя внимание необходимость дифференциации признаков, достаточных для возбуждения производства, и признаков, достаточных для признания юридического лица банкротом. Закон 2002 г. определил... чтобы арбитражный суд принял заявление о банкротстве должника, необходимы... : 1) наличие задолженности 100 000 рублей для юридических лиц и 10 000 рублей для физических лиц; 2) срок неисполнения требований – 3 месяца; 3) установленность требований кредитора – т.е. подтверждение его решением суда, арбитражного, третейского суда, вступившего в законную силу (для уполномоченных органов требование должно быть подтверждено решением уполномоченного органа); 4) истечение 30 дней со дня направления решения суда либо уполномоченного органа в службу судебных приставов-исполнителей и должнику. ... признаками, достаточными для признания юридического лица банкротом, являются по общему правилу факт наличия задолженности (любой суммы) и

срок ее неисполнения; в порядке исключения – когда принят критерий неоплатности – необходимы еще и доказательства превышения суммы обязательств над стоимостью имущества должника. Следовательно, при уменьшении в процессе рассмотрения дела размера задолженности до уровня меньше минимального суд должен исходить из признаков банкротства, и если они есть, признать должника банкротом» [3, с. 98–101].

Как нам кажется, при толковании формулировки «при наличии признаков банкротства» под обстановкой совершения преступления надлежит понимать наличие так называемых «собственно» признаков банкротства. Если же иметь в виду наличие признаков «инициирования банкротства», то неизбежно проявление следующей сложности. Допустим, что при наличии возбужденного дела о банкротстве должником (юридическим лицом) будет удовлетворена часть обязательств кредиторов, и в результате этого задолженность будет составлять менее 100 тыс. р., при этом должник, осознавая, что оставшуюся часть обязательств удовлетворить никак не удастся, начинает осуществлять действия, описываемые в ч. 1 ст. 195 УК. Если отождествлять обстановку совершения неправомерных действий при банкротстве с наличием признаков инициирования банкротства, то видно, что в приведенном выше примере признак обстановки отсутствует и невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности. В то же время было бы неправильным и несоответствующим действующему законодательству толкование обстановки «при наличии признаков банкротства» как наличие возбужденного в отношении должника дела о банкротстве. Во-первых, полагаем, что законодатель в последнем случае так бы и обозначил – «при наличии возбужденного в отношении должника дела о банкротстве», во-вторых, на практике вполне возможна ситуация, в которой еще до формального возбуждения дела, когда должник просрочил исполнение обязательства (или нескольких обязательств) более чем на 3 месяца и, осознавая неизбежность возбуждения в отношении него дела о банкротстве и очевидность в итоге признания его несостоятельным, принимает решение «не отдавать имущество на растерзание кредиторам» и совершает

его полное или частичное сокрытие. В этой ситуации невозможно констатировать наличие признака обстановки совершения преступления и привлечь лицо к ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Поэтому, исходя из изложенного, под обстановкой совершения преступления в этой статье надлежит понимать именно наличие «собственно» признаков банкротства, названных в п. 2 ст. 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 06.10.2002 г. (далее Закон) [4], т.е.: неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Таким образом, действующая формулировка – «при наличии признаков банкротства» по сравнению с ранее существовавшими, безусловно, является более четкой и соответствующей законодательству о несостоятельности. Итак, под обстановкой совершения преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 195 УК, необходимо понимать ту, которая возникает с момента неспособности юридического лица или индивидуального предпринимателя удовлетворить требования кредиторов по обязательствам, не исполненным им в течение 3 месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и которая существует во времени для юридических лиц – до даты внесения записи о ликвидации должника в единый государственный реестр юридических лиц, для индивидуальных предпринимателей – до момента вынесения судом определения о завершении конкурсного производства. Можно констатировать, что с внесением изменений в УК РФ Федеральным законом 19.12.2005 № 161-ФЗ [2] изменился начальный момент – возникновения обстановки совершения преступления, конечный же – прекращения ее существования, остался неизменным. Если ранее данная обстановка возникала уже в момент появления обстоятельств, очевидно свидетельствующих о невозможности в будущем удовлетворения денежных обязательств и (или) исполнения обязанности по уплате обязательных платежей в срок, то ныне она появляется только с момента неспособности удовлетворения требований кредиторов, выразившейся в неисполнении должником соответствующих обязательств в течение 3 месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Как нам представляется, исключение законодателем из ч. 1 ст. 195 УК РФ обстановки «в предвидении банкротства» является несколько поспешным. Так, Н.А. Лопашенко отмечала: «В ряде случаев на практике предвидеть банкротство возможно еще на более ранних стадиях; подобные ситуации могут сложиться, например, при долгосрочном кредитовании, когда задолго до наступления срока погашения кредита руководителям или собственникам организации или индивидуальному предпринимателю становится ясно, что средств на возврат кредита в силу разных обстоятельств нет и не будет или, напротив, что кредит, выданный ими, никогда не будет возвращен» [5, с. 295]. Если лицо в условиях обозначенной обстановки совершает действия, предусмотренные в ч. 1 ст. 195 УК, нынешняя ее формулировка не позволяет привлечь данное лицо к ответственности по этой статье. Что касается возражений против существования этого признака, приводимых И.Ю. Михалевым относительно существования «проблемы субъективного фактора, которая сводит на нет возможность более или менее четкой фиксации границ „состояния предвидения“» [6, с. 108], здесь кажется более верной позиция И.А. Клепицкого. Он высказывался относительно существования обстановки «в предвидении банкротства»: «Исключение из закона указания на этот признак не упростит доказывания субъективных признаков этого преступления, а лишь сделает непонятным механизм причинения вреда, для него характерный. Совершенно неприемлемым представляется исключение ответственности за деяния, совершенные в период, предшествующий возбуждению производства по делу о несостоятельности. Опасность таких деяний и вред, ими причиняемый, ничуть не меньше опасности и вреда, причиняемого деяниями, совершенными после обращения в арбитражный суд» [7, с. 331]. По нашему мнению, признак «в предвидении банкротства» весьма связан с субъективным осознанием такового субъектом преступления. Естественно, что это должно было наличествовать, в противном случае речь бы шла об объективном вменении. То же самое можно сказать и обо всех остальных признаках объективной стороны преступления – они должны полностью осознаваться виновным, это уже вопросы субъективной стороны. Поэтому, говоря о существовавшем признаке обстановки «предвидения банкротства», необходимо обозначить, что по смыслу закона речь шла только о наличии обстоятельств, очевидно свидетельст-

вующих о том, что должник не в состоянии будет исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей. Конечно, излишнее расширение перечня данных обстоятельств и включение в него тех, оценка которых с точки зрения возможного в будущем банкротства является спорной, весьма неоправданно. Но в тоже время исключить признак оценочности данных обстоятельств никак нельзя. Можно лишь, скажем, в постановлении Пленума Верховного суда РФ установить критерии, их характеризующие или даже привести исчерпывающий перечень, это позволило бы сузить возможность злоупотребления и заблуждения правоприменителя в направлении излишнего расширения круга «обстоятельств, очевидно свидетельствующих...». Поэтому, как нам кажется, надлежит вернуть признак обстановки «в предвидении банкротства» в диспозицию ч. 1 ст. 195 УК. Формулирование обстановки совершения преступления в ней как «в предвидении банкротства, либо при наличии признаков банкротства» позволило бы толковать обстановку «в предвидении банкротства» буквально и в строгом соответствии со ст. 8 данного закона как ситуацию, возникающую с момента появления «обстоятельств, очевидно свидетельствующих о ...» [4] и существующую до момента появления «собственно» признаков банкротства. Это будет указывать на взаимосогласованность норм уголовного права и законодательства о несостоятельности – на более высокий уровень юридической техники и, как следствие, способствовать более эффективному применению данной нормы на практике.

При толковании обстановки «при наличии признаков банкротства», предусмотренной ч. 2 ст. 195 УК РФ, необходимо иметь в виду, что таковое надлежит осуществлять хотя и аналогично одноименному признаку, предусмотренному в ч. 1 ст. 195 УК, но при этом исходя из его уяснения во взаимосвязи с признаком «неправомерное удовлетворение требований кредиторов», который опирается на нормы законодательства о несостоятельности. Это добавляет запутанности положениям ч. 2 ст. 195 УК РФ. Поэтому, как нам кажется, было бы более удачным исключить из ч. 2 ст. 195 УК РФ признак «при наличии признаков банкротства» с одновременным переформулированием признака «неправомерное удовлетворение требований» на «*неправомерное удовлетворение требований, противоречащее установленному законодательством о несостоятельности порядку*». Тем не менее, до момента внесения в

Закон обозначенных изменений надлежит исходить из следующих соображений. Поскольку действующее законодательство о несостоятельности не предусматривает запрет, обязывающий должника прекратить платежи с того момента, когда он осознает свою несостоятельность, и возникает обязанность обратиться с заявлением в арбитражный суд, *неправомерным удовлетворением имущественных требований* может считаться лишь удовлетворение, противоречащее установленному законодательством о несостоятельности порядку удовлетворения требований кредиторов, совершенное с момента введения судом процедуры наблюдения, а также на последующих стадиях конкурсного процесса. Из чего следует, что обстановка совершения данного преступления имеет аналогичные пределы.

Часть 3 ст. 195 УК РФ также предусматривает в качестве обязательного признака обстановку совершения преступления. Оно может быть совершено в обстановке, *когда функции руководителя юридического лица либо кредитной организации возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации*. Так, к примеру, в соответствии с п. 2 ст. 126 Закона: «С даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника и собственника имущества должника – унитарного предприятия, за исключением полномочий органов управления должника...» [4]. То есть с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства прекращаются полномочия органов управления должника, которые переходят к конкурсному управляющему. Этот же пункт ст. 126 Закона возлагает на руководителя должника, а также временного управляющего, административного управляющего, внешнего управляющего в течение 3 дней с даты утверждения конкурсного управляющего обязанность обеспечить передачу ему бухгалтерской и иной документации должника, печатей, штампов, материальных и иных ценностей.

В заключение необходимо отметить, что внесенные законодателем последние изменения в ст. 195 УК РФ далеко не устраняют всех пробелов данной нормы и сложностей ее применения, поэтому нуждается в дальнейшей корректировке как в предложенной автором,

так и в иных изменениях по вопросам, не рассматриваемым в рамках данной работы.

Литература

1. *Малинин В.Б., Парфенов А.Ф.* Объективная сторона преступления. СПб., 2004.
2. Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 22.12.2005. № 288.
3. *Телюкина М.В.* Основы конкурсного права. М., 2004.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
5. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к гл. 22 УК РФ. Ростов н/Д, 1999.
6. *Михалев И.Ю.* Криминальное банкротство. СПб., 2001.
7. *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М., 2005.